

Россия в поисках Немана. Река в Европе и культуры памяти.

1.

Когда говорят о Волге, в России каждый знает, о чём идёт речь. Самая большая река Европы – это национальная легенда. После Сталинградской битвы для одних она стала рекой, определившей судьбу России, для других – это «русская матушка Волга». Какую мифологическую нагрузку несет Волга, видно у её истока в Волговерховье, 450 км северозападнее Москвы. Каждый год в мае сотни верующих совершают паломничество в эту деревню, чтобы у истока Волги пережить духовное очищение. По словам Виктора Грибкова, министра туризма Тверской области, паломников будет еще больше: «Каждый русский, – по его мнению, – должен хотя бы раз совершить паломничество к истоку Волги».

Карл Шлёгел, специалист по истории Восточной Европы, называет Волгу протяженностью в 3 530 км «российским культурным пространством», вобравшим в себя историю России. В настоящее время Шлёгел работает над проектом Европейского университета «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере, рассчитанным на пять лет. По его окончании планируется издание не просто ещё одной новой книги о Волге, а, по заверениям Шлёгеля, в свет выйдет новая, другая история России. Река – символ нации: в последнее время на такое заявление отваживался лишь Питер Экرويد, говоря о Темзе.

Тема моего выступления называется «Россия в поисках Немана». Я начал с Волги, чтобы продемонстрировать Вам значимость темы. Если в России, а значит и в Калининградской области, речь заходит о Немане, Вы не увидите огонька в глазах, в лучшем случае люди лишь пожмут плечами, хотя Неман в определённом смысле также стал для русских судьбоносной рекой. Через два с половиной года после битвы за Сталинград, сегодня Волгоград, северная часть Восточной Пруссии стала русской, а река Мемель, прославленная Гофманом фон Фаллерслебеном в первой строфе немецкого гимна «Песни немцев», превратился в Калининградской области в Неман.

Вот, собственно, и всё. Едва ли кто-то из русских знает, где находится исток этой реки, никакие песни не воспевают «батюшку Неман», в низовье реки, по которому проходит граница с Литвой, нет прогулочных пароходов. Россия и река Неман – с 1945 года это история белого пятна в коллективной памяти.

2.

Откуда такая отчужденность? Ведь в Калининграде вновь говорят о Кёнигсберге, а в Советске – о Тильзите. Только река не входит в поиск культурного наследия региона, как будто начавшего в 1945 году жизнь с чистого листа. Может быть, это связано с прошлым Мемеля-Немана, который никогда не был русским, но зато был немецким, литовским, белорусским, польским и еврейским? Или русские любят лишь те реки, которые кажутся им достаточно русскими? Или Неман игнорируют из-за того, что он образует естественную границу с Литвой, и поэтому кажется Калининграду малоинтересной областной периферией?

Давайте оглянемся назад и посмотрим на истоки русской реки Неман, а также на начальный период русского владения северной частью Восточной Пруссии.

Когда 9 апреля 1945 года под натиском Красной Армии генерал крепости Кёнигсберг Отто Ляш был вынужден капитулировать, ещё не существовало никакого плана

присоединения города к Советскому Союзу. Даже Сталин не знал наверняка, принесёт ли ему Кёнигсберг, именовавшийся в официальной советской прессе «колыбелью прусского милитаризма», в долгосрочной перспективе пользу или скорее вред. Город на реке Прегель находился в 1 275 километрах от Москвы, между Кёнигсбергом и Москвой была Литва, где тысячи партизан оказывали сопротивление советскому режиму. В отличие от Силезии, где в Бреслау, как и в Кёнигсберге, произошла замена населения, судьба Восточной Пруссии была определена лишь 2 августа 1945 года на Потсдамской конференции.

Вскоре стало ясно, что у Сталина к Кёнигсбергу скорее стратегический, нежели экономический интерес. Вместо того, чтобы присоединить данную территорию к Советскому Союзу как область, он превратил северную часть Восточной Пруссии сначала в закрытую зону и особый военный округ. Посыл был ясен: советская военная база на Балтийском море служила предостережением для соседей в Литве и Польше, чтобы они не вздумали отделяться от Советского Союза и от союза коммунистических государств-спутников.

3.

Развитие области после её переименования в Калининградскую область 4 июля 1946 года не было ровным. Калининград стал частью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а часы на главном вокзале показывали московское время. Однако для советской столицы город продолжал оставаться за границей. Пер Бродерсен в своём исследовании «Город на западе» сформулировал это так: «Нелюбимый ребенок. Москва не баловала его своим вниманием».

Это мягко сказано. Насколько неточным было даже географическое знание области в Москве, можно судить на примере старых дорожных карт. На «Схеме транспортных автомобильных дорог Калининградской области», опубликованной в Москве в 1947 году, граница московского военного трофея на севере указана верно, она проходила по реке Неман. Однако на противоположном берегу обозначена не Литовская ССР, а Латвийская ССР. И это была не единственная ошибка. Вместо Советска, пограничного города на Немане, на схеме обозначен Тильзит. Советск же отмечен на карте на несколько километров восточнее, там, где находился город Рагнит, переименованный в Неман. Таким образом, Тильзит продолжал существовать, правда, лишь на карте. Хаос был настолько велик, что новые жители области в 1948 году обращались с жалобами в газету «Калининградская правда», сетуя на то, что в местах продажи железнодорожных билетов «до сих пор используются старые названия населенных пунктов. (...) Пассажиры приходят в недоумение, когда не находят в расписании городов Советск, Полесск или Большаково».

Кроме того, в центре внимания советской политики были не переселенцы, а использование ресурсов региона. Промышленные предприятия демонтировались, выкапывались дренажные трубы, наиболее значимые ценные предметы отправлялись в Москву, тоннами вывозился кирпич. В течение некоторого времени, пока немецкое население ещё окончательно не покинуло бывшую Восточную Пруссию, ответственные учреждения не были уверены, будет ли Калининградская область принадлежать России и насколько долго. По этой причине они производили скорее демонтаж, чем строительство.

Разграбление было настолько очевидным, что руководитель Обкома партии Петр Иванов обратился с письмом к Сталину. Он писал: «Представители различных министерств и ведомств воспринимают Восточную Пруссию как временно занятую область, демонтируют оборудование, вывозят с предприятий ценные предметы», в то время как местное руководство «не объясняет населению и родственникам военных Советской армии, что Калининградская область является советской территорией, а все предприятия, сооружения, материальные ценности – социалистической собственностью, собственностью советского государства».

Вслед за письмом из Москвы в Калининград была направлена комиссия, возложившая вскоре всю ответственность за нарушения на администрацию области. Петр Иванов покончил жизнь самоубийством.

4.

Хотя Москва и не была особенно заинтересована в экономическом развитии своего трофея, тем не менее, её политика в сфере историографии последовательно воплощалась здесь в жизнь. В принципе, это была политика отсутствия истории. Ничто не должно было напоминать о восточно-прусском прошлом. Как всегда в подобных случаях, в первую очередь это коснулось названий улиц и населенных пунктов. Однако всё оказалось сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. В отличие от Силезии, где польские географы и исторические комиссии могли использовать старые польские названия населённых пунктов, Восточная Пруссия никогда не была русской. Как же было называть Кёнигсберг, Тильзит и Рагнит?

А как быть с рекой Мемель и ее притоками Русс и Гильге? Просто перенести эти названия в русский язык и добавить им русские окончания? Или прибегнуть к совершенно новым названиям, чтобы раз и навсегда искоренить немецкое прошлое, а 1945 год объявить новой точкой отсчёта, началом теперь уже советской истории?

Удивительно, но советские чиновники обратились с этим вопросом сначала к переселенцам, число которых в 1946 году достигло 50 000 человек. На многочисленных собраниях они должны были обсуждать новые названия. Решение было очевидным: чтобы перекинуть мост между своей прежней и новой родиной, большинство высказалось за названия, связанные с теми местами, откуда они приехали. Это говорит о том, делает вывод Пер Бродерсен, «насколько сильна была связь переселенцев с родными местами – привязанности к Калининграду у них не было». В конце 1946 года калининградские чиновники отправили первый список с предложениями в Москву. В нем были названия, напоминавшие прежние, а также названия советского происхождения, такие как пос. Комсомольский, пос. Ульяново или пос. Октябрьское. Любители истории прибегали к таким фамилиям, как Пушкин или Багратион, генерал Отечественной войны 1812 года, воевавший против Наполеона. Цель, считает Бродерсен, была ясна: «Калининград должен был стать советским, названия населенных пунктов должны быть на советских картах. Все регионы СССР были советскими, а Калининград должен был стать самым советским».

5.

Однако ни Калининград, ни Москва не могли ожидать одного: Вильнюс также захотел участвовать в процессе переименования. На решающем заседании в 1947 году о себе заявил Повилас Пакарклис, председатель Совета министров Литовской Советской Социалистической Республики. К удивлению Кремля, он потребовал «сохранить старые литовские названия, исковерканные немцами». В этом была доля правды. До предпринятых Советским Союзом переименований немцы ещё в 1938 году переименовали в Восточной Пруссии более чем 2 087 населенных пунктов. Таким образом, национал-социалисты хотели германизировать слишком по-литовски звучавшие названия населенных пунктов, казавшиеся большинству немцев чуждыми, о чём свидетельствуют путевые заметки из Мазурии Роберта Будцински:

«Во время своего путешествия я вновь столкнулся с не очень известными, но от того еще более звучными названиями, из-за которых мне казалось, что я нахожусь в волшебных местах. Так, я на поезде ехал от Гросс Ашнаггерн в Игетрокен, Вильпишкен, Пуспершкален и Катринингкайтен, позавтракал в Каркельн, проехал Писсаницен, Баммельн, Баббельн и поужинал в Пшинчисковскен, ночевать я собирался в Карссамупхен».

После «онемечивания» в 1938 году со старыми названиями было покончено. Пиллькаллен превратился в Шлоссберг, Вола – в Вайссенфлусс, Биалла стал называться Вайссензее, Шталлупёнен – Эбенроде, Даркемен – Ангерапп.

Когда северная часть Восточной Пруссии в 1945 году отошла к Литовской ССР, населённым пунктам на правой стороне Немана вернули их старые названия, использовавшиеся до 1938 года. Таким образом, все пошло в обратном направлении: Шмалленингкен стал Смалининкай, Вишвилл теперь назывался Вяшвиле, Биттенен – Битянай, Погеген – Пагегяй.

Глава правительства Литовской ССР пошёл ещё дальше. На заседании в феврале 1947 года Пакарклис подчеркнул, «что литовское правительство считает целесообразным не только сохранить старые литовские названия населённых пунктов», но и «присоединить в ближайшем будущем большую часть Калининградской области к Литовской ССР». Для Москвы это высказывание послужило сигналом тревоги. Сформированная в спешке комиссия, состоявшая из географов и лингвистов, не смогла разрешить спор. В конце концов, верх одержали представители советского правительства. Обоснование, данное заместителем министра иностранных дел РСФСР Смирновым, было достаточно простым: «Ввиду того, что Калининградская область является частью РСФСР и заселена русскими колхозниками, им будет сложно произносить предложенные литовские названия, так же, как и немецкие, поэтому целесообразно принять проект Указа Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании населённых пунктов Калининградской области».

6.

К этому времени переименован был уже не только Кёнигсберг в Калининград. Второй по величине город области Тильзит на Немане 7 сентября 1946 года получил свое новое название Советск. Правда, в СССР существовало уже шесть городов с названием Советск, но это не играло никакой роли. Советское название получил и приток Немана Гильге, который протекал только по территории России. Теперь русским было очень легко произносить название этой реки – река Матросовка.

Лишь в новом названии реки Русс прослеживается влияние литовского языка. Северный приток Немана, образующий границу между Калининградской областью и Литовской ССР, стал называться р. Русне. Однако это было исключением. В Калининградской области с её переселенцами из России, Белоруссии, Украины и Казахстана – Советский Союз в миниатюре – большинство названий имело лишь одну цель: на смену истории должны были прийти всеобъемлющие обещания будущего социалистического счастья. Зачем прошлое, если впереди ожидает светлое будущее?

Но что же это было за будущее, ожидавшее российских первопроходцев на территории бывшей Восточной Пруссии? Надежды были велики. На родине оставались разрушенные войной деревни. Переселенцам нечего было терять, тем более велико было желание найти что-то новое. Первый эшелон с переселенцами отправился из Брянска 19 августа 1946 года с маленькой железнодорожной станции на границе Смоленской области. До г. Швянченис на территории Литовской ССР поезд следовал через Витебск и Полоцк. Путь пролегал по прямой через столицу Литвы Вильнюс, затем через Каунас на Немане. В Кибартае поезд, наконец, достиг границы Калининградской области. 151 семья находилась 8 суток в пути. 27 августа 1946 года они добрались до своей цели – вокзал в г. Гумбиннен, названный после войны в честь советского капитана г. Гусев.

Поездка была очень непривычной, рассказывает Экхард Маттес, бывший директор Северо-Восточного института в Люнебурге: «Переселенцам особенно запомнился отрезок пути через Литву, потому что там было неожиданно хорошее снабжение продовольствием».

Однако Литва была не только страной с молочными реками и кисельными берегами, она таила в себе опасность: «Когда мы ехали через Литву, в начале и в конце поезда стоял солдат с автоматом», вспоминает поездку Иван Федосеевич Бабенко. Михаил Иванович Иванов из Гомеля говорит, что перед отправлением ему посоветовали «не брать с собой много вещей, так как было неизвестно, как мы доберёмся до места, потому что в Литве поезда часто попадали под обстрел». Когда поезд достиг границы Калининградской области, угроза нападения партизан миновала, но страх всё ещё оставался. Юрий Николаевич Трегуб, приехавший с семьей из г. Алма-Ата вспоминает:

«Когда после города Вилкавишкис мы оказались на территории бывшей Восточной Пруссии, начался ад крошечный. Все было разрушено, дома повреждены, на путях стояли искорежённые вагоны, повсюду противотанковые заграждения, укрепления из бетона и стали, брошенное оборудование. (...) Удручающее впечатление производил город Инстербург. Вокзал был полностью разрушен. Тут и там торчали стальные балки, прежде державшие крышу, металлические рамы были без стекол, повсюду обгоревшие кирпичи, в воздухе висел запах гари, который я до сих пор помню».

7.

Эти воспоминания переселенцев составляют часть первого проекта «Oral History» («изустная история») о Калининградской области, работу над которой историк Юрий Костяшов начал ещё в 1988 году. В Калининграде публикация вышла в свет лишь в 2009 году, в ней приводятся воспоминания переселенцев о процессе советизации и в других советских республиках, расположенных на реке Неман.

Интересен тот факт, что прибывшим в регион переселенцам бросалась в глаза разница между Литвой и Калининградской областью. В отличие от бывшей Восточной Пруссии, а также Белоруссии Литва во время Второй Мировой войны не была сильно разрушена. В деревнях крестьяне достаточно быстро смогли вновь возделывать свои земли. То, что в Литве было больше еды, чем в бывшей Восточной Пруссии, было известно также среди детей немецких беженцев, оставшихся без родителей и вынужденных выживать самостоятельно. Этих так называемых «волчат» (нем. *Wolfskinder*) после войны было около 10 000 – 25 000. Голод заставлял их перебираться через Неман в Литву. Тех, кому везло, принимали литовские крестьяне. Остальные умирали от недоедания.

Однако фасад относительного благополучия был обманчив. Несмотря на все усилия, Литва после Второй Мировой войны не смогла вернуть себе независимость, как это было до 1940 года. Уже в 1944 году во время вступления Красной Армии на территорию Литвы было ясно, что Москва вновь собирается присоединить ее к Советскому Союзу. Как и в период с 15 июня 1940 года по 22 июня 1941 года, первым шагом, предпринятым советским правительством, стала депортация. Если во время так называемой «первой оккупации» в Сибирь было депортировано 18 000 литовцев, то в 1944-1953 гг. количество жертв, по оценкам «Музея жертв геноцида», составило 118 000 человек. Еще 186 000 человек были арестованы, многие из них сидели в пресловутой тюрьме КГБ, камеры которой сохранились в «Музее геноцида» в Вильнюсе.

Тем не менее, Москва столкнулась с сопротивлением. В районе Вильнюса, Каунаса и других городов Литвы множество людей присоединялись к партизанам. В 1945 году уже 30 000 «лесных братьев» оказывали сопротивление Красной Армии, совершали диверсии и

акты саботажа, распространяли листовки, обстреливали поезда, следовавшие из центральных областей Советского Союза в Калининградскую область. С началом коллективизации на селе к «лесным братьям» стали примыкать крестьяне. Оплотом партизан был населённый пункт Джукия, область в Литве на границе с Белоруссией, расположенная по правому и левому берегам Немана. К 1949 году боевикам удалось взять под контроль обширную территорию в районе города Алитус на Немане. Однако надежды партизан на помощь Запада не оправдались. После смерти Сталина в 1953 году Москва объявила амнистию, и партизаны сложили оружие. 20 000 из них погибли. Постепенно стали возвращаться из Сибири депортированные литовцы. Вслед за северной частью Восточной Пруссии Литва также стала советской.

8.

Послевоенное время до сих пор является, а лучше сказать, вновь стало определяющим для литовской политики памяти. «Вскоре после Перестройки, - рассказывает Альвидас Никентайтис, директор Литовского исторического института, - литовская политика памяти охватила весь народ». Исторической точкой отсчёта стало Великое княжество Литовское, состоявшее с XIV века в личной унии с Королевством польским. Оно простиралось от Балтийского до Чёрного моря и было родиной для литовцев, также как и для поляков, евреев, белорусов и украинцев. «Теперь же, - говорит Никентайтис, - мы переживаем ренационализацию памяти. Исходным пунктом официальной политики памяти является национальное повествование, которое литовская память представляет как рассказ о жертве, а Советы противопоставлены в качестве виновников этой жертвы». Это, говорит историк, типичное явление в посткоммунистических странах. В данном отношении Литва едва ли отличается от России или Белоруссии.

В Литве существует не только национальная, но и региональная память, и в особенности на берегах Немана. В современной Клайпеде, например, прусская королева Луиза является воплощением немецкого культурного наследия города, считающего себя особенным по сравнению с Каунасом и Вильнюсом. Мемель, как раньше называлась Клайпеда, был когда-то самым крупным городом на реке Мемель. Здесь жили немцы и прусские литовцы, которые в отличие от остальных литовцев были протестантами. Сегодня Мемельский край называется *Lietuva mazoji*, т.е. Малая Литва и она гордится своим прусско-литовским прошлым. К этому прошлому относится также пребывание королевы Луизы в Мемельском изгнании. В Клайпеде любят вспоминать, что прусские реформы, которые пошли на благо Мемелю, начались именно здесь. На доме, принадлежавшем купцу Консентиусу, в котором жила королевская семья, размещена памятная доска. Жители Клайпеды не упражняются ни в национальной гордости, ни в антирусской политике памяти, они лишь вновь открыли для себя историю и гордятся своим городом и краем.

9.

Новая политика памяти появилась и в Калининградской области – и здесь также сыграла свою роль королева Луиза. В июле 2007 года по сценарию российский президент Владимир Путин, президент Франции Николя Саркози и федеральный президент Германии Хорст Кёлер должны были отправиться в российский город Советск. В программе значилось не что иное, как празднование 200-летней годовщины подписания Тильзитского мира и обращения королевы Луизы к Наполеону. Темой празднования стал также и вопрос об актуальности того мирного договора для современной Европы.

Советск стал заранее готовиться к исторической встрече. Директор городского музея Георгий Игнатов получил от Евросоюза 53 000 евро на проект «Война и мир». Праздничное шествие в исторической военной форме должно было воссоздать события, происходившие в июне-июле 1807 года, на конкурсе красоты планировалось выбрать «мисс Луизу», а город на реке Неман прославился бы на весь мир. У домов №21 и №24 на бывшей Дойче Штрассе, в

которых останавливались русский царь и французский император, собирались установить памятные стелы. Культурная программа предусматривала показ фильмов «Война и мир», «Гусарская баллада» и «Ватерлоо».

За два месяца до назначенного мероприятия в гостинице «Россия» в Советске состоялась конференция, предварявшая культурное празднество. Симпозиум назывался «Тильзитский мир – прообраз Европейского дома». Особое внимание политологи и историки уделили Тильзитскому договору 1807 года – он был назван шедевром дипломатии и примером мастерства ведения русскими переговоров. В Тильзите, резюмировали российские эксперты, были заложены основы европейской мирной архитектуры.

Как обстоят дела с этими основами, стало ясно незадолго до юбилея. По непонятным причинам встреча сначала была переведена с уровня глав государств на уровень Министерств иностранных дел. Вскоре французская делегация отказалась от участия. Её представители выяснили, что Тильзита больше не существует, хотя во Франции это название знакомо каждому школьнику. Русское же название города мало кому известно. К тому же, Россия не выдала разрешение на ввоз лошадей, которых французы собирались привезти для участия в историческом спектакле. В общем, тогда всё стало ясно. Конец. Finito.

Следующий отказ пришел из Москвы. Несмотря на оптимизм, царивший ранее на конференции, Кремль вдруг решил, что Тильзитский мир для России является позорным, и поэтому не стал выделять обещанные деньги. В такой ситуации Калининградскому губернатору Георгию Боосу не оставалось выбора и ему пришлось отказаться.

Этого оказалось недостаточно, и неприятности последовали с противоположного берега реки. Литва заявила, что воссоздание павильона на Немане – это замечательно, но не на реке. В конце концов, речь идет о Немане, то есть о пограничной зоне ЕС.

Так постепенно улетучились основы 200-летней мирной европейской архитектуры. Ко всему прочему, 9 июля 2007 года зарядил дождь. Однако отцы города Советска сделали всё, что могли – они стали импровизировать. В форму Великой армии Наполеона, которую должны были носить представители французской делегации, быстро переоделись приехавшие на праздник гости из Польши. Празднование всё-таки завершилось на примирительной ноте, пусть не европейской, но, по крайней мере, польско-русской. «Мисс Луизой» была выбрана полька Анна Оборска.

10.

Несмотря ни на что, июль 2007 года оставил в Советске свой след. На памятном камне на бывшей Флетхерплац, сегодня это Центральная площадь, написано на французском, немецком и русском языках: «1807 – Pax de Tilsit, Tilsiter Frieden, Тильзитский мир». Мост через Неман, ведущий в литовский город Панемуне, с тех пор носит своё старое название. Серп и молот на монументальном портале моста вновь уступили место рельефу прусской королевы. «Мост королевы Луизы»: так был назван мост в 1907 году в память о событиях 1807 года.

Откуда это изменение сознания? Почему вдруг Луиза вместо серпа и молота? Ответ дала небольшая выставка, посвящённая королеве Луизе, представленная в июне 2009 года в городском музее Советска. Речь шла не только о встрече Луизы с Наполеоном и о поражении Пруссии, но и о прусско-русских отношениях в начале XIX века. Их не смог испортить даже поход Наполеона на Россию, а также тот факт, что в составе Великой армии 24 июня 1812 года через Неман переправлялись и прусские солдаты. После разгрома Наполеона Пруссия воспользовалась ситуацией и разорвала навязанный ей союз с Францией. Что было дальше,

известно: Освободительные войны, падение Наполеона, реабилитация Пруссии на Венском конгрессе.

Вето царя Александра против раздела Пруссии было частью стратегического союза между Гогенцоллернами и Романовыми, который постоянно укреплялся благодаря политике заключения взаимных браков. Так, дочь Луизы Шарлотта в 1817 году сочеталась браком с будущим царем Николаем I. Не милитаристские традиции Пруссии, из-за которых Сталин в 1945 году стал претендовать на северную часть Восточной Пруссии, ассоциируются у русских при упоминании королевы Луизы, а русско-немецкая дружба, недавно нашедшая своё воплощение в прокладке трубопровода по дну Балтийского моря при содействии Герхарда Шрёдера и Владимира Путина.

11.

Таким образом, у «Моста королевы Луизы» сходятся поиск истории и поиск Немана: поиск национальных и региональных корней в Литве и всё ещё в большем смысле национальный поиск в Калининградской области. Для Альвидаса Никентайтиса разные тропы памяти между Литвой и Россией берут свое начало в Советском Союзе. «В отличие от жителей Калининградской области, - подчеркивает он, - литовцы в Мемельском крае интересовались культурным наследием Восточной Пруссии ещё во времена Советского Союза». К тому же, дельта Мемеля до 1945 года являлась поликультурным регионом, где проживали немцы, литовцы, евреи и коренные мемельцы. Благодаря этому в Клайпеде нашлось место для «многих родин», считает историк. То, как мы обращаемся с историческим наследием, является критерием формирования региональной идентичности, говорит Никентайтис.

Как свидетельствуют споры по поводу переименования советских названий населённых пунктов, данное движение имеет место и в России.

В отличие от Москвы, в городе на реке Преголе давно укоренилось более непредвзятое отношение к немецкому прошлому. Студенты, чей университет с 2005 года стал носить имя Иммануила Канта, коротко называют Калининград «Кёниг», местная хип-хоп группа называется «Koenig City Breaker», пивоваренный завод «Остмарк» сохранил своё немецкое название и выпустил юбилейное пиво «Кёнигсберг 750», драматический театр назвал свой фестиваль «Королевская гора», по-немецки «Кёнигсберг». Восточная Пруссия возвращается в Калининград, это также видно по названию водки «Восточная Пруссия». И, наконец, за Кафедральным собором была построена «Рыбная деревня». Идеология молодым калининградцам не интересна, они скорее стремятся к привлекательным посулам Запада. Как говорит депутат областной Думы Соломон Гинзбург: «Для местной молодежи «Мерседес» гораздо важнее, чем Красная площадь и русская берёзка вместе взятые».

После того, как развеялся идеологический дым праздника, даже тема возвращения населённым пунктам старых названий перестала быть запретной. Поводом послужило интервью сити-менеджера Калининграда Феликса Лапина радиостанции «Эхо Москвы» весной 2009 года: «В России можно гордиться названием Кёнигсберг как российским городом». Правда, российские коммунисты и националисты подняли шум и заявили о «ползучей германизации». К дебатам подключился бывший губернатор Георгий Боос. Тема обширная и сложная, сказал Боос в октябре 2009 года, но право на существование имеют как нынешние, так и исторические названия:

«Такие города, как Гусев, Гурьевск, Черняховск названы в честь героев Советской армии, штурмовавших эти города. Это наша история, великая история. Но, с другой стороны, необходимо также признать, что за старыми названиями стоят культура и традиции».

Боос выступал за то, чтобы решение приняли граждане. По его мнению, недалеко то время, когда Советску будет возвращено название Тильзит:

«Сегодняшнее название для многих, в первую очередь для молодёжи, не связано ни с традициями, ни с положительными эмоциями. Советск – город Советов? Советский Союз уже давно в прошлом».

Действительно, Тильзит в Советске упоминается так же часто, как и Кёнигсберг в Калининграде. Местное радио вещает под названием «Тильзитская волна», театр называется «Тильзит-театр». Неудивительно, что с 2006 года существует общественное движение, призывающее переименовать Советск в Тильзит.

Пока, говорит мэр г. Советска Виктор Смилгин, по этому поводу нет простого большинства голосов. Голоса разделились примерно „fifty-fifty“. Но это может быстро измениться. «Молодёжь в большинстве своем за Тильзит, пожилые – за Советск».

Так на Немане может скоро исчезнуть последнее напоминание о Советском Союзе. По иронии истории, решающим будет слово тех переселенцев и их потомков, из-за которых в 1947 году Тильзит был переименован в Советск, потому что им было сложно произносить немецкое название.

12.

Однако со времён этих предложений в Немане много воды утекло. В 2009 году в Калининграде прошли массовые выступления против губернатора и Москва сняла Георгия Бооса. С тех пор в Калининградской области вновь возник страх перед германизацией.

Есть ещё нечто, мешающее области непредвзято относиться к восточно-прусской истории и немецким туристам. В 2007 году Владимир Путин, будучи тогда ещё президентом, ввёл в своей державе новое правило. Для защиты России от террористических атак, иностранцам, а также гражданам России позволяется находиться на приграничных территориях только при наличии специального разрешения, т.е. пропуска. Ко всему прочему, специальные разрешения можно получить только на месте, а их подготовка занимает неделю, а то и больше. Советск был тем самым отброшен назад, т.к. бывший Тильзит занимался развитием туризма и пытался привлечь «ностальгирующих» туристов из Германии.

А тут ещё и атомная электростанция. Россия не хочет отставать, и в ответ на планы строительства новой АЭС в Литве возникла идея строительства атомной электростанции в Калининградской области. АЭС должна быть построена прямо на Немане, в городе Неман, бывшем Рагните. Размещение крупных опасных проектов, подобных этому, на границе – это, собственно говоря, наследие Холодной войны.

Дамы и господа, Калининград, и я на этом завершаю, когда-то Terra incognita, открывшийся для западных туристов лишь после распада Советского Союза, вновь отгораживается от внешнего мира, а Неман является внешней границей не только с точки зрения Литвы и ЕС, но и с точки зрения местных политиков.

На такой не слишком оптимистичной ноте я заканчиваю своё выступление. Или нет?

Разрешите в качестве заключения рассказать Вам небольшую историю. Два года назад у меня была возможность проехать вдоль левого берега Немана в Калининградской области вместе с одной учительницей немецкого языка. Людмила Гуляева, так зовут учительницу, живёт в Немане, бывшем Рагните. Мы осмотрели руины крепости Рагнит, бывшей в Восточной

Пруссии одной из наиболее мощных укреплений Тевтонского ордена, осмотрели то, что осталось от башни Бисмарка, а также добрались по берегу Немана до местечка Унтерайссельн – когда-то излюбленного места отдыха жителей Тильзита. Они, как правило, добирались сюда на пароходе. Я захотел узнать, что значит для Людмилы река Неман и её история. «Много. - ответила она. - В 70-е гг. я приехала сюда из Казахстана. У меня был выбор между Сибирью и Калининградской областью. Это место стало для меня родиной лишь после того, как я познакомилась с историей Тильзита и Рагнита».

Людмила вела свой «Гольф» вниз по берегу реки по песчаной дороге. «Здесь было раньше место отдыха Унтерайссельн, - объяснила она, - там была пристань». Сегодня здесь не осталось ничего. «Ты знаешь, - сказала Людмила и многозначительно улыбнулась, - даже если история поросла травой, она не исчезла. Это как с умершими людьми, которые действительно мертвы только тогда, когда о них больше никто не вспоминает».

Людмиле также когда-то хотели внушить, что история Калининградской области началась лишь в 1945 году. Восточная Пруссия – для Людмилы это название долгое время ассоциировалось с господством юнкеров и с островерхими прусскими касками. Немецкая провинция, по праву исчезнувшая во время Второй Мировой войны. «Лишь от немецких туристов я узнала, что это было чем-то большим – родиной». С тех пор Людмила хранит память об этой родине, ставшей и её родиной. Она хочет передать её молодёжи. Со своими учениками Людмила регулярно едет туда, где раньше находился Унтерайссельн, и устраивает там пикник или палаточный лагерь.

Таких историй, дамы и господа, много. Это личные истории. Ещё. Или всё ещё.

Благодарю за внимание!

(перевод Елены Мингалёвой)